

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ДИПЛОМАТІЯ.

(Картинка съ натуры).

Сапожникъ Оедька Скроботовъ былъ въ уныніи. Квартирный хозяинъ поставилъ ему вчера строгій ультиматумъ—или давай деньги, или уѣзжай съ квартиры. Жена и мать Оедьки по сему поводу съ утра неистово пилили его, попрекая пьянствомъ, лѣнью и всѣми другими пороками, коренившимися въ Оедькѣ, по ихъ словамъ, со дня его рожденія. Наконецъ она, дружно предавъ его анаемѣ, замолкла, мать ушла куда-то, жена съѣла къ окну и стала шить, а Оедька ковырялъ шиломъ старый башмакъ и, чувствуя, что ему хочется ѣсть,—никакъ не могъ рѣшиться попросить у жены обѣдать. А въ желудкѣ давно уже сосало, и голодная слюна наполняла ротъ. Наконецъ онъ рѣшился...

— Какіе я малосольные огурцы видѣлъ въ лавкѣ!

Гробовое молчаніе со стороны супруги.

— А что, у насъ нѣтъ огурцовъ?—дипломатично продолжалъ Оедька.

— Ты покупалъ?—Сухо, не поднимая головы отъ работы, спросила жена.

Нѣтъ, онъ не покупалъ. Хотѣлъ купить, но не успѣлъ, ибо проигралъ деньги въ три листика. Однако, въ слѣдующій разъ онъ обязательно купитъ огурцовъ и даже сразу тысячу...

Онъ подумалъ это про себя, а женѣ доложилъ:

— Не успѣлъ я намедни... Нужно-было дратвы, вару...

— Молчи уже, варваръ...—укоризненно бросила ему супруга. Оедька засмѣялся, изображивъ на лицѣ нѣчто вродѣ удовольствія.

— Какія эти самыя женщины,—муныя...

когда онъ разозлится. Даже удивительно! Ей миролюбно скажешь—варъ! А она тебѣ сейчасъ на это слово запалить—варваръ! Каждое твое слово помножить и къ щекамъ твоей приложить?

Обыкновенно отъ балагурства Оедьки, его супруга „поджимала животикъ“—но въ данномъ случаѣ, она только плотно сжала губы и, помолчавъ, тономъ сухимъ и колкимъ спросила:

— Какъ будешь съ хозяиномъ-то?

Оедька вздрогнулъ и поежился, но рѣшилъ не терять присутствія духа, надѣясь храбростью ускорить обѣдъ. Онъ многозначительно поднялъ кверху палецъ и таинственно заговорилъ.

— Не извольте тужить—мы съумѣемъ прожить! Мы, хорошіе слуги, проживемъ и безъ потуги... пусть только на насъ не рычатъ яко звѣри наши любимыя супруги!

Побѣда! Жена улыбуналась!

— Сколько это у тебя ихъ, супругъ-то!

— Одна! Да и та должно быть больна, я выпью немножко вина, а она дѣлается пьяна и колотитъ меня колотками по башкѣ... чего дѣлать не должна!

Оедька пересолилъ. Супруга снова нахмурилась и кратко заявила:

— Убить даже тебя, болтуна, и то мало!

Обѣдъ опять отодвинулся далеко куда-то. Оедька угнетенно вздохнулъ.

— Насчетъ хозяина ты не безпокойся! Я его сегодня вечеромъ укромцу... какъ только въ головѣ нужныхъ словъ найду...

— Что у тебя слова то ползаютъ въ голову?—опионовала супруга. Опять неудача!

— Видишь ты, ему я, этому самому хозяину, уже такую подпушу дипломатію, что онъ, не токма, что денегъ съ меня проситъ—благодарить меня будетъ, да!—вдохновенно началъ врать Оедька.—А пока что, собрала бы ты по... поѣсть чего-нибудь!

— Иди за щепками, надо щи разогрѣть...

—сверхъ ожиданія сказала жена. Оедька

живо вскочил и бросился въ сарай за щепами.

Задняя стѣна сарая выходила частью въ садъ домохозяина, а частью на сосѣдній дворъ и на немъ, какъ разъ, у стѣны слышался говоръ. Любопытный Оедька прильнулъ въ щели, желая знать, кто и о чемъ говорить. Говорили, стоя у забора, трое мальчиковъ; одинъ изъ нихъ былъ сынъ учителя, жившаго рядомъ, двое другихъ—его товарищи. Оедька зналъ ихъ всѣхъ. Они смотрѣли въ садъ домохозяина Оедьки на яблоки, еще незрѣлыя, но уже крупныя, зарумянившіяся, отягощавшія вѣтки и дразнившія вкусъ...

— Возьмете, — предлагалъ сынъ учителя товарищамъ, кивая головой на яблоки. Тѣ подозрительно оглядѣлись вокругъ, но рѣшались.

У Оедьки блеснула въ головѣ идея.

— Мальчики! — вполголоса позвалъ онъ. Мальчики нарахнулись было въ сторону, но сынъ учителя остановилъ ихъ.

— Это сапожникъ, — успокоительно сказалъ онъ.

— Это дѣйствительно—я! Я знаю лазъ—ахъ какъ удобно! Айда-те вмѣстѣ? И напоремъ мы этихъ самыхъ яблоковъ—пуды! Идуть?

Мальчики сживленно заговорили другъ съ другомъ, быстро составивъ что-то вродѣ военнаго совѣта. Нервозный сынъ учителя горячо убѣждалъ товарищей въ безопасности набѣга, а Оедька слушалъ и трепеталъ отъ ожиданія. Рѣшили, наконецъ.

— Вотъ и превосходно! Я сейчасъ-же тамъ буду! Дѣйствительно, черезъ минуту онъ сидѣлъ за сараемъ верхомъ на заборѣ и, глядя какъ по саду, крадучись, въ тѣни вѣтокъ, двигались фигуры мальчиковъ, руководилъ ихъ дѣйствіями, громкимъ шепотомъ командуя.

— Лѣвѣ берите... къ малиту! Онъ теперь вкусный малитъ-то! Потомъ онъ спрыгнулъ въ садъ, видя, что мальчики подобра-

лись къ „малиту“, подошелъ къ нимъ и, спрашивая: „Идуть работа?“ взялъ учителява сына за плечи. Тотъ обернулся и вопросительно посмотрѣлъ на него. Оедька едѣлалъ—строгое лицо.

— Теперича, господа, у насъ пойдетъ серьезный разговоръ. Вы двое бѣгите, а вы, Николай Николаевичъ, пожалуйста со мной. Товарищи Николая Никлаевича, блѣднаго отъ охватившаго его испуга,—появились въ чемъ дѣло, и моментально скрылись. А ихъ товарищъ попытался вырваться изъ рукъ сапожника, но понялъ, что это ему не удастся и глухо прошепталъ:

— Отпусти, Оедоръ, я тебѣ завтра двадцать копеекъ дамъ!

— Я еще не обѣдалъ, а вы меня уже завтракомъ кормите! Нѣ-ѣтъ, это удочка плохая! А за воровство положено наказаніе—тюрьма. Пожалуйста—идти!

Оедька говорилъ громко и былъ строгъ какъ Катонъ. Онъ велъ своего плѣнника по дорожкѣ сада и чувствовалъ, какъ дрожить его плечо, какъ холодѣетъ рука. Лицо плѣнника было блѣдно, губы беззвучно шептали что-то, онъ инстинктивно упирался ногами въ землю, Оедька подталкивалъ его впередъ и чувствовалъ, что ему жалко мальчика. Ему хотѣлось отпустить его, но—дипломатія! Оедька очень много надеждъ возлагалъ на свой планъ для того, чтобы не попытаться довести его до конца.

— Извольте идти! — уговаривалъ онъ плѣнника очень любезно и доброжелательно. — Ничего не подѣлаешь... отпустить я вѣсь не могу, а долженъ представить домохозяину... вотъ онъ! Здравсте, Платонъ Михайлычъ! Въ то время какъ вы ругаете меня разными тяжелыми словами и гоните вонъ съ квартиры, —я-съ оберегаю ваше имущество и добро! Извольте видѣть? Поймалъ вора-съ! Съ личнымъ въ рукахъ имѣю честь передать его вамъ! Получите!

Домохозяинъ, сырой и толстый человекъ,

страдавший одышкой, взялъ плѣнника за подбородокъ, поднявъ сверху его голову и грозно захрипѣлъ.

— А!.. Давно ужъ я... добирался...

— Вы добивались, а я подобрался—хапъ! И готово! Я тоже давно слѣжу за ними... мѣвъ ваше, Платонъ Михайлычъ, добро дорого! Я, бывало, ночи не сплю—все слѣжу. Садъ моего хозяина тр-ротать не смѣй! Я—вотъ онъ! И я ужъ услѣжу...

— Я больше не буду... отпустите меня! — молилъ плѣнникъ со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ... а тебя къ отцу и пусть онъ тебя выпоретъ... ага?! — хрипѣлъ Платонъ Михайловичъ, страшно вращая глазами.

— Я готовъ изувѣчить человѣка ради вашего покоя! И вотъ—извольте видѣть—поймалъ! — убѣдительно говорилъ Оедька, вертясь ужомъ вокругъ массивной фигуры своего хозяина.

— Спасибо! Ты и впередъ... смотри!

— Всегда согласенъ! — съ готовностью воскликнулъ дипломатъ.

— Хотя ты тоже... ворище!

Оедька выразительно пожалъ плечами и сказалъ:

— Ахъ, зачѣмъ опять такія тяжелыя слова!..

Ихъ плѣнникъ горько плакалъ, ожидая рѣшенія своей участи. Онъ уже не просилъ отпустить его и не пытался освѣтить предательскую роль Оедьки въ этомъ дѣлѣ.

— Я, кажется, вотъ показываю вамъ себя при всемъ солнцѣ! Зачѣмъ бы это мѣвъ гоняться за рабителями вашего сада? Иной-бы на моемъ мѣстѣ, послѣ вашего вчерашняго разговора еще самъ-же подучилъ—идите, ребята, охладивайте садъ!

Тутъ Оедька кивнулъ косою взглядъ въ сторону своего плѣнника и, убѣдившись, что тотъ совершенно не въ состояніи понимать что-либо, свободно вздохнулъ.

Было жарко и душно. Съ жирнаго лица Платона Михайловича обильно текъ потъ и

ему надоѣло все это. Онъ даже зѣвнулъ отъ истомы. Оедька дипломатично замолчалъ, ожидая дальнѣйшаго.

— Вотъ что,—сказалъ ему домохозяинъ, свирѣпо отдуваясь,—отведи ты этого... воришку къ отцу... знаешь?

— Знаю!—кивнулъ головой Оедька.

— И Расскажи тамъ все...

— Понялъ! Это я—въ моментъ! Извольте путешествовать за мной, молодой злодѣй! Когда Оедька вышелъ со своимъ спутникомъ за ворота, онъ дернулъ молодого злодѣя за рукавъ, подмигнувъ ему и расхохотался.

— Идите вы, Коля, теперь куда вамъ хочется! Напугались? Ничего не подѣлаешь... дипломатія, вотъ въ чемъ гвоздь. Ну, идите!

Коля не вѣрилъ своему предателю. Онъ посмотрѣлъ на него заплаканными глазами и снова понурилъ голову.

— Иди-и-те, говорю!—убѣдительно протянулъ Оедька и даже толкнулъ его въ плечо.

Тогда, медленными шагами, мальчикъ, оглядываясь на сапожника, пошелъ по панели. Оедька, улыбаясь, смотрѣлъ ему вслѣдъ. Вдругъ мальчикъ быстро наклонился, выпрямился, взмахнулъ рукой и мимо головы Оедьки со свистомъ пролетѣлъ камень. Оедька дрогнулъ и сдѣлалъ движеніе впередъ, но мальчикъ былъ уже далеко.

— Злой... Обидѣлся...—вслухъ сказалъ Оедька и пошелъ на свой дворъ.

— Ну, что?—спросилъ его домохозяинъ.

— Отвелъ и все какъ слѣдуетъ. Сейчасъ его ухватили за вихры и повели пороть!—убѣжденно вралъ Оедька.

— Такъ и надо,—сказалъ домохозяинъ.

— А то какъ-же? Непремѣнно пороть! А кстати, Платонъ Михайловичъ, какъ вы рѣшили съ чемоданчикомъ-то?

— Дорого просишь...

— Нѣтъ! Но ежели желаете—полтора рубля и зачестъ это за квартиру. А остальные два съ подтиной, будьте столь великодушны,

подождите... Приставлю я въ скорости од-
ному приказчику головки, и получите вы
до копеечки! Желаете?

— Ну...—буркнулъ домохозяинъ,—портъ
съ тобой!

— Стѣсненія мнѣ и угрозы вѣрномъ
вонъ изъ квартиры не будетъ? Превысоко-
лѣпно? Вѣдь я, ежели говорить по совѣсти,
какой квартирантъ вамъ? Рѣдкость!
и... оберегаю ваше добро, не смыкая
могу сказать! Ей Богу! Хоть-бы вотъ
перъ—сколько я время потерялъ, лова въ
ровъ въ саду и прочее такое?!

— Ну... отстань ужь! За это спасибо...
а все-таки деньги за квартиру надо платить
въ срокъ...

— Да, Господи! Ежели-бы я...

Но домовладѣлецъ, грузно покачиваясь,
уже шель въ садъ... Оедька, улыбаясь
вслѣдъ ему, подмигивалъ женѣ, смотрѣвшей
на него изъ окошка и тоже улыбавшейся..

Черезъ полчаса Оедька сидѣлъ за столомъ

и, жадно глотая вчерашніе щи, оживленно и
пылко говорилъ:

— Умъ, почтенная ваша мамаша и доро-
гая супруга,—умъ-съ, вотъ что есть глав-
ное въ жизни! Дипломатію надо умѣть дѣ-
лать съ людьми. Человѣкъ на тебя съ ог-
лоблей лѣзетъ, а ты его нарови дипломатіей
опутать... Вѣдь, вотъ сегодня утромъ какая
была моя жизнь? Хозяинъ меня съѣсть го-
товъ, супруга меня кусаетъ, маменька жу-
етъ... оставалось мнѣ повѣситься или сбѣ-
жать! Полчаса дѣйствія моего ума, и всё
стали очень даже ласковы! Каково-съ?

— А ты ѣшь, ѣшь,—поощряла его мать.

— Я могу и ѣсть, и говорить... и даже
мнѣ это выгодно! Я говорю, вы меня слу-
шаете... и не видите, что я давно уже съ
говядиной черпаю, я вы все еще пусые щи
буздыряете!

И всё трое за столомъ разразились весе-
лымъ хохотомъ.

М. Горькій.